
ТЕМА НОМЕРА НАУЧНОЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВО

СТАТЬИ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 34.04

DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.01

УМНОВА-КОНЮХОВА И.А.¹ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕ- МЕННОГО ПРАВА ПОД ВЛИЯНИЕМ НАУЧНО-ТЕХНОЛО- ГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОПЫТ РОССИИ

Аннотация. Статья поднимает актуальные аспекты трансформации современного права, происходящей в том числе под влиянием научно-технологического развития. Рассматриваются общие тенденции изменения системы современного права и новые концептуальные подходы к определению круга и статуса субъектов права. Отмечается, что в Российской Федерации, особую актуальность приобрела проблема поиска баланса между законами, программно-стратегическим и экспериментальным правовым регулированием научно-технологического развития. Опыт России не является уникальным, однако, как и в любой другой стране, требует специального анализа сложившейся системы законодательства в этой сфере.

Ключевые слова: трансформация права; научно-технологическое развитие; система права; субъекты права; цифровизация;

---

¹ Умнова-Конюхова Ирина Анатольевна, главный научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, доктор юридических наук, профессор.

биотехнологии; программно-стратегическое регулирование; экспериментальное правовое регулирование.

UMNOVA-KONIUKHOVA I.A. Transformation of modern Law under the influence of scientific and technological development: general trends and experience of Russia

Abstract. The article raises topical aspects of the transformation of modern law, which is taking place under the influence of scientific and technological development, among other things. The general trends of changes in the system of modern law and new conceptual approaches to determining the range and status of subjects of law are considered. It is noted that in the Russian Federation, along with the indicated trends, the problem of finding a balance between laws, program-strategic and experimental legal regulation of scientific and technological development has become particularly relevant. Russia's experience is not unique, however, as in any other country, it requires a special analysis of the existing system of legislation in this area.

Keywords: transformation of law; scientific and technological development; legal system; subjects of law; digitalization; biotechnology; program and strategic regulation; experimental legal regulation.

Для цитирования: Умнова-Конюхова И.А. Трансформация современного права под влиянием научно-технологического развития: общие тенденции и опыт России // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 9–25. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.01

Введение

XXI век, обозначив амбициозные векторы научно-технологического прорыва (информационные, цифровые, биологические, медицинские, энергетические, транспортные, когнитивные, квантовые, нано-, нейро- и прочие наукоемкие технологии), вступил в этап развития, именуемый Четвертой промышленной революцией, преобразующей количественные показатели в новое качество жизни. По мнению президента Всемирного экономического форума К. Шваба, самостоятельность Четвертой промышленной революции обусловлена, во-первых, темпами экспоненциального разви-

тия, во-вторых, широтой и глубиной, и в-третьих, системным характером воздействия на общественные отношения¹.

Изменения в цивилизационном развитии не могли не затронуть и право. Под влиянием научно-технологического прогресса современный этап развития права характеризуется не только расширением масштабов, но и существенным изменением содержания правового регулирования, трансформацией системы права и сменой приоритетов правового регулирования. Открылись уникальные процессы конвергенции основных элементов системы права (отраслей, подотраслей и институтов), которые повлекли за собой их сегментацию, синтез и преобразование в новые правовые комплексы. Научная оценка, диагностика и прогнозирование происходящих процессов заставляют задуматься как о современном праве, так и о праве будущего, о его сущности и содержании, о субъектах и объектах права. Человечество получило прорывные технологии, но не изучило последствий их влияния на человеческую жизнь, не сформировало в необходимой мере базисные правила адаптации к технологическим переменам. В итоге право, как средство защиты людей и упорядочения взаимоотношений между ними, оказалось слабым и в определенных случаях просто бессильным инструментом перед лицом новых технологий. Среди вызовов праву, предопределяющих его глубинные изменения, в особом осмыслении нуждаются процессы цифровизации, внедрения искусственного интеллекта, биоинженерии, нейро-технологий, медицинских и так называемых природоподобных технологий. Технологизация вышла за пределы инструментального предназначения и стала влиять на судьбы людей и человечества, определять не только скорость и рациональность существования, но и ценностную значимость и форму человеческого бытия. Новые технологии не просто затронули процессы усовершенствования и оздоровления человека, они создали проблему сохранения человека как такового с его физическими, духовно-нравственными, интеллектуальными, биологическими, генетическими, психическими и иными характеристиками и качествами. При этом, как верно отмечается в современной юридической литературе, одним из столпов нынеш-

---

¹ См.: Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция: пер. с англ. – Москва, 2018. – С. 11.

них дискуссий о научно-технологических процессах является вопрос экзистенциальных ценностей современного человека¹.

Изменение структуры и типологии отраслей современного права в условиях научно-технологического развития

В современную эпоху происходит беспрецедентная трансформация системы права. В условиях стремительного научно-технологического развития происходит реформирование основных и производных отраслей права путем бинарных процессов интеграции (сегментации и синтеза) и диверсификации смежных институтов. Например, из медицинского права вычлняются био-право, нейроправо, генетическое право и др., из экологического права – климатическое право, противопандемийное право, антивирусное право и др., из информационного права – сетевое право, интернет-право, киберправо, из финансового и валютного права – блокчейн право, криптоправо и пр.

Под влиянием научно-технологического развития по-другому структурируется и сама система отраслей права. В системе права представляется целесообразным выделять *фундаментальные, институциональные* (образуемые в результате преобразования правового института (институтов) в новую отрасль права), *функционально-инструментальные* и *инструментально-технологические* (вспомогательные, обслуживающие) отрасли права².

Группа функционально-инструментальных и инструментально-технологических отраслей права возникла именно под влиянием научно-технологического развития. Эти отрасли права определяют социально-правовые технологии регулирования, реализации и развития права, являются служебным, вспомогательным правом, обслуживающим другие отрасли права с применением постоянно совершенствующихся методологий и технологий. Приме-

---

¹ См. об этом, напр.: Васильева Л.Н., Григорьев А.В. Цифровизация общества и перспективы конституционного развития // Журнал российского права. – 2020. – № 10. – С. 40–58; Цифровизация общества и будущее христианства: материалы V Междунар. науч. конф. (24 января 2019 г., Москва) / отв. ред. И.П. Рязанцев; ред.-сост. Р.М. Плюснин. – 2019.

² Подробнее см.: Умнова-Конюхова И.А. Генерология и футурология права: тенденции и прогноз развития / РАН, ИНИОН. – Москва, 2023. – С. 118.

ром функционально-инструментальных отраслей права являются коллизионное право и медиационное право, к инструментально-технологическим отраслям права относятся цифровое право, техническое право, дескриптивное право и пр.

Цифровое право как отрасль права нового поколения – следствие воздействия цифровизации на право. Пока что есть смысл говорить о цифровом праве как о правовом комплексе, эта отрасль права еще только формируется. Но уже сейчас стоит спрогнозировать дифференциацию цифрового права. Например, использование в цифровом праве принципиально новых регуляторов – алгоритмов позволяет некоторым исследователям заявлять об алгоритмическом обществе и, соответственно, об алгоритмическом праве¹. Юридизация такого института, как программирование, и таких новых регуляторов, как программный код, предопределяет формирование права программирования. При этом возможна интеграция названных правовых комплексов в «информационно-технологическое (ИТ) право» или «право информационных технологий».

Роль инструментально-технологической отрасли права состоит в обслуживании других – фундаментальных, институциональных и функционально-инструментальных – отраслей права. Применительно к цифровому праву речь идет, к примеру, о развитии с его помощью методологий юридической науки, позволяющих изучать право с позиции соотношения реального и виртуального; о создании институтов электронной власти, электронных выборов и электронного правосудия; о формировании цифрового правового мониторинга; об оцифровке юридических технологий, применяемых в правотворчестве, юридическом прогнозировании и моделировании; об экспертизе и цифровой обработке проектов нормативных правовых актов и др.

С развитием цифрового права в перспективе могут возникнуть и другие отрасли инструментально-технологического права, что отражает общую тенденцию технологизации права. Так, в юридическом обиходе все чаще используется термин «техническое

---

¹ См., напр.: Кравец И.А. Конституционализм и участие в алгоритмическом обществе (российский, сравнительный и международный контекст) // Журнал Сибирского федерального ун-та. Гуманитарные науки. – 2024. – № 17 (6). – С. 1036–1046.

право», под которым понимается совокупность технических нормативов и стандартов в отраслях промышленности, сельском хозяйстве, экологии, биологии, медицине и т.д. (строительные нормы и правила, правила устройства оборудования, санитарно-эпидемиологические правила, экологические нормативы, правила пожарной и технологической безопасности, правила благоустройства и ландшафтного дизайна и иные нормативы социально-технического характера).

Возрастает значение так называемого «дескриптивного права» – карт, схем, таблиц, графиков, диаграмм и прочих дескриптивно-графических описательно-аналитических документов, иллюстративно описывающих состояние и динамику регулируемых отношений. Уже сейчас дескрипции активно используются в стратегиях и программно-проектных документах, являются основанием для постановок новых целей развития и регулирования прав и свобод человека. В частности, графики роста кривых о заболевании COVID-19, ежедневно публиковавшиеся во время пандемии для всеобщего сведения в средствах массовой информации и в Интернете, стали основанием для определения ограничительных мер в реализации прав и свобод.

Несмотря на то что технологизация права как общая тенденция развития очевидна, она еще не оценена в должной мере законодателями и юристами-практиками. Главная опасность этой тенденции состоит в снижении уровня социальности и доступности права, его наполнения нормами нравственности, социальной этики, гарантиями защиты традиционных цивилизационных ценностей. В связи с этим важное значение имеют установление пределов техничности права, затрагивающих права и свободы, формирование институтов гражданского и экспертного контроля за техническим и технологическим протворчеством.

Таким образом, процессы трансформации современного права под влиянием научно-технологических достижений свидетельствуют о значительном изменении системы права, формировании новых правовых комплексов (институтов и подотраслей), комплексных отраслей права, в той или иной степени отражающих значимость правовых технологий, функционально-инструментальных и инструментально-технологических функций права. Данные процессы не могут быть произвольными. Важное значение имеет

формирование правил технологизации и процедур согласования технологических нововведений. В противном случае в системе права начнут преобладать регуляторы, которые поглотят фундаментальное право и его производные, традиционно с помощью принципов и норм права, определяющих фундаментальный смысл существования и развития человеческой цивилизации.

Субъекты права и их правовой статус в условиях научно-технологического развития

Научно-технологическое развитие оказывает значительное влияние на сложившиеся концепции носителей прав и свобод, на правопонимание самого круга субъектов права, заставляет пересматривать некоторые традиционные представления и искать новые критерии для установления содержания их правового статуса.

Например, расширение использования искусственного интеллекта (далее – ИИ) привело к возникновению термина «виртуальный (цифровой) субъект права». Среди ученых ведется спор о том, кого же считать таковым: одни склоняются к тому, что виртуальным субъектом выступает физическое или юридическое лицо, другие предлагают разграничивать мир материальный и электронный. Так, Е.С. Аничкин считает, цифровой субъект – это лицо, которое является носителем цифровых прав и соответствующих им обязанностей¹. Однако в конституциях и законодательстве государств о таких субъектах и их правах пока ничего не говорится.

Интересная дискуссия развернулась вокруг вопроса: являются ли субъектами цифровых отношений так называемые виртуальные или электронные «личности»-роботы². В реальной жизни уже возникали прецеденты формирования правового статуса «элек-

---

¹ См.: Аничкин Е.С. Модернизация конституционно-правового статуса личности в условиях цифрового пространства // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 12. – С. 19–22.

² См.: Талпина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 17; Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 12; Зорькин В.Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. – 2020. – № 6. – С. 7–19.

тронной личности». В 2016 г. в Европарламент был представлен свод правил, согласно которому роботы с ИИ получают статус «электронной личности» и наделяются определенными правами и обязанностями. Саудовская Аравия стала первой в истории человечества страной, «предоставившей» в 2017 г. антропоморфному роботу «София» гражданство. Правда, это выглядело как реклама компании Hanson Robotics, создавшей и представившей «Софию» на панельной дискуссии конференции Future Investment Initiative. Эксперты тут же задались вопросами, будут ли у «Софии» те же права, что и у обычных граждан страны, или Саудовская Аравия разработает особую систему правил, касающихся роботов¹.

Робот – наиболее яркий представитель ИИ. Голландский профессор Роберт Ховен ван Гендерен (Юридический факультет, Центр права и Интернета, Свободный Университет Амстердама, Нидерланды) призывает определиться с тем, создает ли сотрудничество между автономными роботами и физическими лицами юридическое взаимное обязательство, основанное на доверии, и соответствующие правовые отношения²? Представляется важным при таком взаимодействии различать оказание юридических услуг посредством применения элементарных правовых знаний с использованием ИИ (роботов) и компетенцию по осуществлению юридически значимых действий, которая может реализовываться только человеком или иерархически выстроенным коллективом людей (должностным лицом, органом публичной власти, юридической компанией). Полагаю, что в случае признания юридической компетенции у робота имеет место подмена субъектов права на объект права. Ответственность должен нести не робот с многоцелевыми задачами, а создатели такого робота и те, кто им пользуется на основе инструкций, т.е. соответствующие юридические и физические лица.

---

¹ См.: Кудрявцев Н. Человекоподобный робот получил гражданство Саудовской Аравии. – URL: <https://www.techinsider.ru/technologies/news-393732-chelovekopodobnyy-robot-poluchil-grazhdanstvo-saudovskoy-aravii/?ysclid=lzjtbuai41833826623> (дата обращения: 02.08.2024).

² См.: Hoven van Genderen R. Do We Need New Legal Personhood in the Age of Robots and AI? // Artificial intelligence in medical imaging. – 2019. – P. 43.

Для целей права важно также разграничивать роботизированные объекты и роботы, имитирующие человека. Соединение цифровых и бионейро-технологий дает основание говорить о роботах-получеловеках не только с точки зрения внешнего сходства. Создание сверхразумных существ биоцифрового характера – это явление, пока не известное человечеству. И, несмотря на то что робот еще не является сверхинтеллектуальным, по мнению Роберта Ховена ван Гендерена, его можно рассматривать как динамично развивающуюся концепцию будущего субъекта права, которая постоянно эволюционирует в сторону развития искусственного интеллекта и, возможно, на более поздней стадии трансформируется в сверхразумную или полугуманоидную систему¹.

Сегодня предстоит четко обозначить пределы виртуальности субъекта права для правовой среды. Полагаю, что, во-первых, не может быть субъектом права лицо, не связанное с юридически значимой идентификацией в цифровом виртуальном пространстве и потому не способное нести правовую ответственность. У государства не может быть отношений, обязательств с лицом, которое не идентифицировало себя как личность, оно не может гарантировать человеку права и свободы или привлечь к ответственности того, кто за «никнеймом» скрывает свои реальные персональные данные. Во-вторых, у государства не может быть правовых отношений с роботом или ИИ. В реальности оно выстраивает правовые связи с тем лицом или лицами (коллективом), которые оперируют данным роботом (ИИ) в виртуальном пространстве в определенных целях и обслуживают его функционирование.

В связи с расширением биологических и медицинских технологий новое звучание приобретает и статус самого человека. Его характеристики как субъекта и объекта правового регулирования дифференцируются и затрагивают различные элементы тела, психики, разума и других особенностей человека как биосущества (например, эмбрионы, клетки, кровь, плазма, человеческие органы и ткани и пр.).

Человек в социобиологическом измерении рассматривается правом уже не в традиционном понимании как живое физическое и интеллектуальное (обладающее разумом) лицо, приобретающее

---

¹ См.: Hoven van Genderen R. Ibid. – P. 43–44.

правосубъектность с момента рождения, а значительно раньше. Развитие новых биотехнологий, методов пренатальной (дородовой) диагностики и медицины предопределило появление дискуссии о правовом положении эмбрионов и распространении на них гарантий прав и свобод человека.

Например, согласно ст. II Конституции Венгрии 2011 г., жизнь зародыша защищается с момента зачатия. Закон ФРГ о защите эмбрионов определяет эмбрион как оплодотворенную, способную развиваться яйцеклетку человека с момента слияния половых клеток, а также любую тотипотентную клетку, взятую из эмбриона, способную при определенных условиях делиться и развиваться в индивидуум (ст. 8). Независимо от стадии развития эмбриону предоставляется единый правовой режим защиты, который включает признание права на защиту человеческого достоинства и право на жизнь.

С учетом непрерывно развивающихся медицинских технологий актуализируются аспекты правосубъектности человека, находящегося в коме (условия и пределы нахождения в коме, правила ухода и т.д.), субъектом и одновременно объектом права выступает умерший, чье право на сохранение генетической неприкосновенности и защиту достоинства должно обеспечиваться и после смерти.

Научно-технологическое развитие меняет и отношение к правосубъектности животных. Профессор Маниша Декха, заведующая кафедрой права в Университете Виктории (Канада), призывает заменить классификацию собственности на животных, связанную с эксплуатацией, новым преобразующим правовым статусом или субъективностью, называемой «бытийностью»¹. На фоне развития новых технологий среди правоведов растет число сторонников естественно-правовой концепции прав и свобод животных². При этом защитники животных считают, что их права, закрепленные во Всемирной декларации прав животных, объявленной ЮНЕСКО в 1978 г. по представлению Международной ли-

---

¹ См.: Deckha M. Animals as Legal Beings. Contesting Anthropocentric Legal Orders. – 2021. – С. 3–4.

² См.: Stucki S. One Rights: Human and Animal Rights in the Anthropocene. – 2023. – P. 1.

ги прав животных, должны быть расширены и конкретизированы. Саксия Стаки, исследователь Института сравнительного публичного и международного права имени Макса Планка в Гейдельберге (Германия), считает, что права животных – это моральные и / или юридические права, которые защищают определенные аспекты существования животного, его благополучие, внутреннюю ценность, неприкосновенность или другие интересы. По мнению С. Стаки, сегодня необходимо введение понятия «фундаментальные права и свободы животных» аналогично тем, которые имеются в отношении человека¹. В этом контексте актуальны права на защиту биологической идентичности, биобезопасности и генетической неприкосновенности животных (например, недопустимость биологических, и особенно генетических, экспериментов и пр.).

Благодаря технологическим вмешательствам в отношения между органическим и механическим происходят радикальные изменения в образе жизни животных, что привело к появлению множества различных форм «технологических существ», таких как генно-инженерные мыши и крысы для экспериментов, свиньи с органами для трансплантации или клонированные овцы. Более того, сами люди все сильнее модифицируются в сторону искусственных созданий. В связи с этим современные правоведы ставят вопрос о признании гибридных форм существования, в которых органическое сочетается с механическим и соответственно о регулировании их особого статуса². Возможность улучшения человека с помощью генетики и робототехники по-другому ставит вопрос о смысле человеческого существования. По мнению Эрика Вальдеса (президент и один из основателей Международной сети биологического права) и Якоба Даль Рендторффа (профессор Университета Роскилле, Дания), конечным следствием биотехнологического развития является то, что мы сами будем решать, какими людьми хотим быть, и что в итоге мы станем полными хозяевами своей судьбы. И в этом контексте вопрос заключается в том, есть ли что-то в человеке и человеческом виде в целом, что мы хотели бы со-

---

¹ См.: Stucki S. One Rights: Human and Animal Rights in the Anthropocene. – 2023. – P. 1.

² См.: Valdés E., Rendtorf J.-D. Biolaw, Economics and Sustainable Governance. – 2022. – P. 95–97.

хранить для потомков¹. Данные вопросы выводят на необходимость корреляции правового регулирования с учетом признанных в обществе норм нравственности, религиозных и иных социальных норм.

Одним из привлекательных направлений научных исследований в области генной инженерии и биомедицины является вопрос о продлении жизни и в конечном итоге о человеческом бессмертии. Наука продолжает искать ген возраста человека, который позволит манипулировать им для значительного увеличения продолжительности жизни. Другим направлением является тема воскрешения людей путем клонирования с полным восстановлением их идентичности и индивидуальности, а также с сохранением памяти о прошлой жизни. Э. Вальдес и Я. Рендторфф ставят вопрос о правовой определенности в этом направлении. По их мнению, государство и общество должны определиться, можно ли рассматривать земное, телесное бессмертие как важную политическую задачу, которая станет предметом общественного обсуждения и совместного принятия политических решений².

Таким образом, научно-технологическое развитие в современную эпоху послужило импульсом для возникновения дискуссий о субъектах права и их правовом статусе. Во-первых, появилось много новых профессий и функций, обеспечивающих реализацию тех или иных научно-технологических процессов, а следовательно, ставится вопрос о правовом статусе их носителей. Во-вторых, выдвигаются идеи расширения круга субъектов права, в том числе путем их перевода из объекта права в субъект и наделения их специальной правосубъектностью (животные, «гибридные существа»). В-третьих, предлагается пересмотреть этические границы трансформации человека как главного субъекта права, обсудить вопросы его модификации, в том числе путем гибридизации и / или установления пределов соединения в нем органического и механического.

---

¹ См.: Valdés E., Rendtorf J.-D. Biolaw, Economics and Sustainable Governance. – 2022. – P. 95–97.

² См.: Ibid. – P. 95–96.

О сочетании законодательного, программно-стратегического и экспериментально-правового регулирования научно-технологического развития (на примере Российской Федерации)

Среди актуальных аспектов трансформации современного права стоит также выделить изменение роли традиционной формы права – законов и повышение влияния программно-стратегического и экспериментально-правового регулирования. В условиях расширения программно-стратегического регулирования сфер научно-технологического развития возникает вопрос о допустимости девальвации закона. На примере Российской Федерации можно показать, как сочетается законодательное, программно-стратегическое и экспериментально-правовое регулирование научно-технологического развития.

Законодательной основой научно-технологического развития в Российской Федерации является Конституция РФ и Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О науке и государственной научно-технической политике» (далее – Федеральный закон № 127-ФЗ). Конституция РФ в редакции 2020 г. включила «научно-технологическое развитие» в предмет ведения Российской Федерации (п. «е» ст. 71), наделила Правительство РФ компетенцией обеспечивать его государственную поддержку, сохранение и развитие научного потенциала (п. «в. 1» ч. 1 ст. 114). Были закреплены такие новые сферы федерального правового регулирования, как «информационные технологии», «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных» (ст. 71).

Предметом вышеназванного Федерального закона № 127-ФЗ являются отношения между субъектами научной и / или научно-технической деятельности, органами государственной власти и потребителями научной и / или научно-технической продукции (работ и услуг), в том числе по предоставлению государственной поддержки инновационной деятельности. К сожалению, правовой смысл этих терминов не раскрыт в должной мере на федеральном законодательном уровне, отсутствует ясность в порядке взаимоотношений между участниками научной деятельности, правовой ста-

тус предусмотрен лишь у отдельных участников такой деятельности, например, Российской академии наук. В этих условиях центр регулирования смещается в сторону программно-стратегических документов, исполнению которых уделяется более пристальное внимание, чем федеральным законам. Эти документы определяют цели и задачи, приоритетные направления деятельности и формируют систему ответственных за их реализацию субъектов права. Среди них: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 г., утвержденная Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203; Стратегия развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная Указом Президента РФ от 06.06.2019 № 254 (ред. от 27.03.2023), а также указы Президента РФ: от 28.11.2018 № 680 (ред. от 29.12.2022) «О развитии генетических технологий в Российской Федерации»; от 08.02.2021 № 76 (ред. от 23.10.2023) «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений»; от 25.04.2022 № 231 (ред. от 18.07.2024) «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий»; от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» и др. В свою очередь Правительством РФ принимаются соответствующие акты, направленные на реализацию данных указов, связанные с финансированием, проведением комплекса соответствующих мероприятий, формированием системы управления, определением направлений выделения грантов и субсидий и пр.

Вышеназванные стратегические документы имеют не только правоприменительное, но и нормативно-правовое значение. Так, упомянутый Указ Президента РФ от 18.06.2024 № 529 ввел перечень критических и сквозных технологий, в отношении которых будет осуществляться приоритетная государственная поддержка и формироваться национальные проекты. К критическим технологиям отнесены, в частности: технологии создания высокоэффективных систем генерации, распределения и хранения энергии (в том числе атомной), создания энергетических систем с замкнутым топливным циклом; биомедицинские и когнитивные технологии здорового и активного долголетия, технологии лекарственных

средств, медицинских изделий и платформ нового поколения; технологии здорового питания и повышения продуктивности сельскохозяйственных животных, урожайности сельскохозяйственных культур; цифровые технологии; технологии сохранения окружающей среды и природы; социально-психологические технологии формирования и развития общественных и межнациональных отношений.

В какой-то мере рост значения программно-стратегических документов в регулировании научно-технологического развития предопределен Федеральным законом от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Этот Закон создал правовую базу для программно-стратегического регулирования актуальных вопросов научно-технологического развития.

Несмотря на смещение акцентов в сторону программно-стратегического регулирования в отдельных сферах уже сформирована развитая федеральная законодательная база, определяющая как условия развития новых технологий, так и границы научно-технологического вмешательства в традиционную жизнедеятельность людей. Так, в Российской Федерации технологии клонирования ограничены Федеральным законом от 20.05.2002 № 54-ФЗ (ред. от 29.03.2010) «О временном запрете на клонирование человека». Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. и доп., вступ. в силу 01.04.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет не только цели развития высокотехнологичной медицинской помощи, включающей в себя применение новых уникальных методов лечения, в том числе клеточных технологий, роботизированной техники, методов геномной инженерии и др., разработанных на основе достижений медицины и смежных отраслей науки и техники, но и определяет условия суррогатного материнства, абортов и других медицинских услуг, основанных на современных технологиях. Федеральный закон от 23.06.2016 № 180-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О биомедицинских клеточных продуктах» регулирует отношения, связанные с исследованиями, экспертизой, государственной регистрацией, производством, контролем качества, донорством биологического материала в целях производства биомедицинских клеточных продуктов, их реализацией, применением, хранением,

транспортировкой, ввозом и вывозом, а также уничтожением биомедицинских клеточных продуктов. Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» регламентирует отношения в сфере природопользования, охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности и охраны здоровья человека, возникающие при осуществлении генно-инженерной деятельности. Более поздний Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» регулирует государственную геномную регистрацию в целях идентификации личности человека. При этом указывается, что проведение государственной геномной регистрации не должно представлять опасность для жизни и здоровья человека, унижать его честь и достоинство.

Серьезный импульс научно-технологическому развитию может дать Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Используя зарубежный опыт, российский федеральный законодатель ввел институт «регуляторных песочниц», которые являются инструментом «умного регулирования» и направлены на создание благоприятной правовой среды для развития цифровых инноваций. Реализация указанного Федерального закона поставит в перспективе задачи как расширения использования механизма экспериментальных правовых режимов в Российской Федерации, так и учета положительного опыта правовых экспериментов для совершенствования действующего законодательства. При этом одна из основных целей «регуляторных песочниц» заключается в том, чтобы сделать правовое регулирование более гибким.

Таким образом, наряду с трансформацией правовой системы и с кардинальным изменением подходов к пониманию субъектов права и их правового статуса, происходят процессы изменения роли регулятивных механизмов управления обществом, государством и людьми в условиях современного научно-технологического развития. Самое общее требование к формированию и совершенствованию российского законодательства в этом направлении состоит, как представляется, в том, чтобы создать согласованную между собой систему нормативных правовых актов федерального

и регионального уровней, обеспечивающих регулирование и реализацию «под ключ» основных целей данного развития на ближайший период и на отдаленное будущее.

Заключение

Трансформация современного права в условиях интенсивного научно-технологического развития в XXI в. предопределяет возникновение разнообразных правовых проблем. Их анализ обуславливает необходимость выявления наиболее актуальных базисных аспектов правовых исследований. Среди общих тенденций глубокую исследовательскую оценку должны получить, как представляется, процессы трансформации самой системы права и изменения концептуальных подходов к определению круга и статуса субъектов современного права.

Применительно к Российской Федерации, наряду с указанными тенденциями, особую актуальность приобрела задача поиска баланса между законами, программно-стратегическим и экспериментальным правовым регулированием научно-технологического развития. Опыт России не является уникальным, однако, как и в любой другой стране, требует специального анализа сложившейся системы правового регулирования в этой сфере, оценки его эффективности и определения путей совершенствования.